

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ БИОГРАФИИ (ДЛЯ) НИЦШЕ

Участники: М.О. Бикбулатова, И.А. Эбаноидзе
Организатор проекта и ведущая – Ю.В. Синеокая

Мария Олеговна Бикбулатова – философ, кинокритик; e-mail: bikbulatovamaria@gmail.com

Юлия Вадимовна Синеокая – доктор философских наук, профессор РАН, заведующая сектором истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: jvsineokaya@gmail.com

Игорь Александрович Эбаноидзе – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Институт мировой литературы РАН. Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А; e-mail: igebano@mail.ru

В беседе говорится о том, может ли знание биографии Фридриха Ницше быть полезно для понимания его философских идей, в каком соотношении могут находиться представление о биографической личности философа и восприятие его текстов, допустима ли здесь взаимная корректировка. Также предпринимается попытка разобраться, в каком смысле та или иная биография может затруднять понимание работ Ницше и дальнейшее развитие заданных им векторов мысли. Собеседники ставят целью выявить, какой должна или может быть биография философа, чтобы она способствовала, а не мешала продуктивной работе с его наследием; для этого проводится критический анализ различных биографий, мотивации биографов и ее совместимости с ницшеанской картиной мира. В связи с этим ставится вопрос о том, что значит соответствовать этой картине мира, так ли это необходимо для работы биографа и может ли качественное жизнеописание быть выполнено совершенно в другом ключе. В свою очередь, обсуждаются и сопоставляются различные образы Ницше, которые могут радикально отличаться друг от друга именно в силу различных целей тех, кто воссоздавал и продолжает воссоздавать эти образы. И наконец, собеседники размышляют над тем, какие еще применения биографии Ницше возможны и в чем специфика биографии именно этого философа, в мысли которого его собственная жизнь, ее повороты и детали, играет такую важную роль, а также над тем, как Ницше выстраивает автобиографии в своих произведениях и как именно он пользуется этим автобиографическим ресурсом.

Ключевые слова: биография, философия Ницше, декаданс, «здоровое» и «больное», психология разоблачения, Entlarvungspsychologie, персональный миф

Ю.В. Синеокая. Дорогие коллеги, сегодняшняя встреча в рамках цикла «Реплики» совместного проекта Института философии РАН и московской городской библиотеки им. Ф.М. Достоевского посвящена интеллектуальному наследию Фридриха Ницше. Как наши постоянные слушатели помнят, осенью и зимой 2015 г. в стенах библиотеки состоялась целая серия лекций и бесед о творчестве этого философа, определившего во многом европейскую и отечественную философию XX столетия. По итогам презентаций в библиотеке подготовлены к печати две книги, которые выйдут в свет к концу этого года. Первое издание – сборник «Творчество Ницше в историко-философском контексте», состоящий из статей, написанных участниками проекта по мотивам прочитанных ими лекций и иллюстрированный цветными фотопортретами философов и их слушателей. Вторая книга, публикуемая издательским домом ЯСК при поддержке издательского гранта РФФИ, представляет собой трехязычный том «Фридрих Ницше: наследие и проект», авторами которого являются тридцать четыре ведущих ницшеведа из тринадцати стран, откликнувшиеся на приглашение принять заочное участие в проекте «Анатомия философии».

Наш сегодняшний диалог предлагает обсуждение следующих вопросов: может ли биография такого философа, как Ницше, структурно повторить хотя бы некоторые из путей его становления? Может ли она продлить интенцию, прояснить, а не затуманить то, что Ницше пытался донести? Можно ли посредством биографии сделать доступным то, что содержалось в личности философа, но не в его работах? Я рада представить вам наших собеседников – это известный исследователь и переводчик на русский язык наследия Ницше, редактор-издатель Полного критического собрания сочинений Ницше в 13 томах, опубликованного издательством «Культурная революция» в 2005–2015 гг., Игорь Эбаноидзе. Игорь – постоянный участник нашего проекта и автор статей в упомянутых мною сборниках. Наш второй гость – молодая талантливая исследовательница, философ и кинокритик – Мария Бикбулатова.

И.А. Эбаноидзе. Заголовок нашей беседы отсылает к названию работы Ницше «О пользе и вреде истории для жизни». Вопрос, который мы ставим, – какую службу пониманию философии Ницше может сослужить повышенное внимание к его биографической личности? При этом биография Ницше, так сказать, его биографическая личность, стоит в нашей заглавии на месте «истории», исторического знания, на месте же «жизни» оказывается Ницше как философ, его идеи. И это неслучайно. Идеи Ницше стоят в основании «философии жизни», они пытаются быть имманентными самой жизни и даже нести прагматический по отношению к жизни характер. Именно жизнь, а не дух или мышление есть данность философствования Ницше. И в свете этого мне как раз представляется, что знание истории – то есть, в нашем случае, биографической личности Ницше – чрезвычайно существенно и для понимания его философии. Это та конкретная жизнь, которая философствует в его трудах о жизни. Конечно, существует опасность редуцировать философию Ницше к его личности. Но есть другой, гораздо более интересный и благодарный путь: видеть через призму одновременно его биографии и творчества всю сложность взаимоотношений жизни-субъекта и жизни-объекта философствования.

М.О. Бикбулатова. Не лишним в нашем случае будет обратиться к собственно сочинению Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» и вспомнить, что его автор говорил о том, чем опасна и чем полезна может быть история.

И.А. Эбаноидзе. Да, и я буду очень признателен, если Вы это сделаете. Только прежде я бы еще хотел добавить, что Ницше, в отличие от многих других мыслителей, философствует, совершает определенные шаги, имеющие философское измерение, еще и самой своей жизнью. Разумеется, могут быть и аспекты вреда, и аспекты пользы биографии для Ницше, но одно я хочу постулировать сразу: именно в случае Ницше совершенно невозможно, говоря о его философии, игнорировать его биографию.

М.О. Бикбулатова. Я бы выразилась по-другому. Я бы сказала, что он берет свою жизнь в качестве материала для своей философии. И в этом смысле его жизнь и труды, конечно, нельзя разделять. Он начинает писать биографию еще в юности и затем продолжает это в “Ессе homo”, как мы все знаем. Но одно дело Ницше, который так обращается со своей жизнью, а другое – его биографы, которые довольно часто так преподносят факты его биографии, что затрудняют понимание написанного им, в то время как все по-настоящему необходимое для работы с его текстами можно найти в них же. Но вернемся для начала к «О пользе и вреде истории для жизни». Ницше выделяет три основных рода истории: монументальный, антикварный и критический. У каждого из трех есть своя польза и свой вред.

Если говорить о монументальном роде истории – в нем в первую очередь важны не столько точность и верность фактам, сколько вдохновляющий образ, который человек может взять за ориентир. Чтобы не бояться совершать великие поступки, ему нужен сильный образ из прошлого, доказывающий, что нечто столь же великое уже имело место. Если говорить о биографии, то, с одной стороны, сильный вдохновляющий образ – это то, что она и должна создавать. Но с другой, Ницше – фигура очень многогранная. И если выбрасывать одни факты и делать акцент на других, то могут получиться образы вплоть до противоположных друг другу. К примеру, в биографии Уолтера Кауфмана¹ Ницше предстает ярким ненавистником антисемитов, а его к ним отвращение представляется одной из веских причин для прекращения дружбы между ним и Вагнером. А в недавно вышедшей на русском языке книге Рюдигера Сафрански² Ницше сам показан как антисемит, и некоторые его высказывания пугают даже семейство Вагнеров. Такой образ может быть весьма отталкивающим. Он может бросить тень на все, что Ницше писал.

Архивный род истории делает акцент на фактах, на нюансах и мелочах и их сохранении. Однако опасность такого подхода в том, что сохранение какого-нибудь артефакта ставится выше, чем создание чего-либо нового. Так, ницшеведы углубляются в выяснения, какой факт биографии имел место, а какой – нет. И погрязают в этих выяснениях настолько, что работа собственно с философией Ницше отходит на второй план. Тот же Кауфман настолько увлекается подробностями отношений между Ницше и Лу Саломе, что это уже начинает быть похожим на мыльную оперу, а не на биографию.

И.А. Эбаноидзе. Я согласен, что, имея дело с реальными биографиями Ницше, мы сталкиваемся с вышеперечисленными проблемами. Но давайте постараемся не расплываться на критику реально существующих биографических текстов о Ницше, которые мог написать кто угодно, а говорить как бы об идеальной биографии Ницше – о такой, которая старалась бы осветить философию его жизни, принести «пользу» в деле нащупывания главных узлов и нервов его философствования. Достаточно ли тут вообще такой благой

¹ Kaufmann W. Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist. 4th ed. Princeton (NJ), 1974.

² Сафрански Р. Ницше: биография его мысли. М., 2016.

интенции или тут нужен какой-то определенный метод, чтобы не попасть в ловушки дешевого биографизма? Или наоборот, метод все испортит, превращаясь в догму, а нужна просто какая-то постоянная философская эмпатия?

И еще я хотел бы спросить по поводу только что сказанного Вами две вещи: когда Вы говорите, что все по-настоящему необходимое о Ницше (необходимое для понимания его текстов) можно вычитать из его же текстов, мне кажется, что это слишком буквальная вера ему на слово. Выходит, что важно только то, что он сам о себе сказал. Все остальное неважно. В том числе то, что он не хочет о себе говорить и что зачастую и оказывается главным для понимания, почему он мыслит так или иначе. Мне такое понимание представляется в корне неверным, даже с точки зрения самого Ницше, который, как известно, называет себя «психологом разоблачения» и видит, что главное в других кроется в тех, в том числе биографических, вещах, которые они бы сами о себе ни за что не сказали. С другой стороны, представление о личности Ницше полезно там, где его высказывания особенно провокативны. Когда он говорит о «миллионах неудавшихся» или, если хотите, «неудачников», которыми великий политик вправе пожертвовать в целях взращивания великого будущего. Или когда, с энтузиазмом описывая перспективы грядущей эпохи, констатирует: «...чтобы подготовить такое будущее, мы будем вынуждены отделить от общества меланхоликов, угрюмцев, нытиков, пессимистов и обречь их на вымирание»³. То, что он берет сторону сильных, «здоровых», а подчас проявляет больше эмоционального сочувствия к жестоким тираническим натурам, разумеется, неправильно было бы просто релятивизировать мягкостью его характера и обилием выпавших на его долю болезней и периодов физического бессилия. Однако биографический контекст тут все равно будет важен: ведь он покажет, что Ницше никогда не встречал прекрасных монстров или могущественных жестоких тиранов (разве что Рихарда Вагнера и свою сестру), напротив, его привычной средой общения была чрезвычайно интеллигентная, мягкая, гуманная среда, отталкиваясь от которой он находил свою инаковую идентичность. Все это «сокрушите добрых и праведных» из «Заратустры» имеет еще и свой биографический контекст. Если не знать этого нюанса жизненного пути Ницше, то можно некоторые вещи понять превратно. Хорошо написанная биография может помочь не впасть в подобные заблуждения.

М.О. Бикбулатова. Биография философа может выполнять разные функции. Она может быть развлекательной литературой про любимых персонажей, может пытаться что-то прояснить в его/ее философии, что якобы неясно из работ самого философа. Однако хотя последняя интенция вполне понятна, мне не кажется, что попытка корректировки восприятия работ мыслителя с помощью биографии является продуктивной. Во-первых, невнимательный читатель, который быстро пробежал глазами, скажем, «Антихриста», не будет удручать себя чтением биографии. Мне кажется, что биография философа может быть написана для разных читателей: и для тех, кто не занимается философией, однако питает интерес к той или иной фигуре, и для тех, кому очень близки работы данного автора, и они хотели бы узнать о его личности больше, и для профессиональных исследователей. Это могут быть разные биографии или даже одна, однако – как минимум в случае с Ницше – чего биография уж точно не должна делать, так это пояснять и корректировать мысль. Для этого есть целый ряд причин. Во-первых, в самих текстах его работ уже содержится все то, что нужно для понимания. Весь вопрос в том, как

³ Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. М., 2013. С. 127 сл.

читать эти тексты. Ведь если присмотреться повнимательнее, мы увидим, что Ницше вообще свойственно работать с контрастами: он может говорить о сильной, полной здоровья белокурой бестии в этом пассаже, а буквально на следующей странице превозносить силу слабости и болезни как познавательного механизма. Он намеренно противоречив, он создает подобные полярности, которых при желании можно насчитать очень много, и именно напряжение-притяжение между ними создает поле, в котором мысль активно и непрестанно движется.

Если же мы будем вырывать из контекста одно такое радикальное высказывание и пытаться как-то оправдать автора за него, мы рушим всю конструкцию, которая отлично работает и без нас. Во-вторых, философия Ницше – это философия невинности, философия, которая несет благую весть, что больше мы никому ничего не должны, ни перед кем не виноваты. И парадоксальным образом очень многие «ницшеведы» и «ницшефилы» все время оправдывают его мысль, и получается какая-то «виноватая философия невинности», то есть таким образом последователи в какой-то мере если не обнуляют, то снижают потенциал мысли самого Ницше. К тому же эти бесконечные попытки биографов все разъяснить достаточно высокомерны: большинство биографов считают Ницше гением, осуществившим прорыв, а его мысль – необходимой. Но по какой-то причине эта величина, этот великий мыслитель якобы оказывается неспособен достаточно отчетливо артикулировать свои мысли. Ему нужны вспомогательные конструкции-костыли, чтобы они наконец стали понятны читателю. Каким-то образом мощный мыслитель превращается в немощного мямлю, который шагу ступить не может без поддерживающих его под локти биографов, которые переводят его туманные речи на человеческий язык. Я не могу с этим согласиться. Я не считаю, что ницшевской философии нужны биографические костыли. Но биография может нести и другие функции. И тут я опять отсылаю к «О пользе и вреде истории для жизни». Мы можем выбрать для себя Ницше как сильную фигуру из прошлого, вдохновляющую нас на великое. Биография может создать для нас такой образ. Я думаю, он должен продолжать философию Ницше по интенции (в этом смысле хорошая биография Ницше – это биография, написанная по-ницшеански), быть множественным (то есть учитывать многогранность его личности и его маски), быть одновременно тонким и сильным, а главное – легким и радостным. Ведь это человек, который продумал тяжелейшую мысль и не остался ею придавлен, человек, написавший «Веселую науку» и так много говоривший о необходимости победить дух тяжести. Поэтому я негожую, когда биографы изображают Ницше жалким больным человеком. Может сложиться впечатление, что его философия – это только способ хоть как-то прожить эту несчастную жизнь. Конечно, все мы знаем, что у него были серьезные проблемы со здоровьем, а потом его и вовсе постигло безумие. Однако было бы ошибкой считать это аргументом против его философии, в которой столько места отведено силе и здоровью. Я бы сказала, что это высочайшая виртуозность – вытудить великое здоровье из такого болезненного состояния. Это и есть то глубинное здоровье, о котором он говорит.

Теперь к Вашему второму вопросу. Я не совсем понимаю, что Вы имеете в виду, когда говорите «верить на слово». Ницше использует свою биографию как материал, и я не думаю, что имеет значение, насколько он здесь правдив и честен. В стремлении докопаться до того, как было на самом деле, мне видится то самое упадочное стремление к истине любой ценой, о котором говорит Ницше. Вы действительно думаете, что, если будете знать, как все было в

действительности (если бы даже это было возможно, ведь мы всегда имеем дело с интерпретациями), это может как-то помочь, а не, наоборот, запутать? Я также Вам хочу напомнить слова Ницше о том, что нужно обладать достаточной стыдливостью, чтобы не срывать покрывало с истины, что, возможно, истина – это женщина, имеющая основания не показывать своих оснований. Я думаю, что Ницше имеет право на пространство личного, о котором он свободен как говорить, так и умолчать, и довольно бестактно пытаться в него врваться. В этом смысле, когда мы живо интересуемся подробностями жизни человека, о которых он сам предпочитает не распространяться, мы сильно походим на журналистов и читателей таблоида.

И.А. Эбанюидзе. Мне очень понравилось высказывание про биографов, которые поддерживают Ницше под локти, растолковывая нам его мысли. Это касается, на мой взгляд, прежде всего «биографов мысли», вроде Рюдигера Сафрански, который так и назвал свою книгу: «Биография мысли Ницше». Но это вообще сложная проблема: может ли толкование того или иного философа быть ино-сказанием его мысли или же это уже произнесение мысли толкующего? Является ли философское высказывание чем-то однократно-неповторимым, как прочерк молнии в небе, или философское высказывание – это такой туннель, который один мыслитель пробил в толще горы, и другие следом за ним могут еще и шлифовать стенки? Это огромный вопрос, но он не собственно биографический. А собственно биография касается событий жизни. Хотя, конечно, главное событие жизни философа – его мышление. Тут я возвращаюсь к тому, с чего начал: к соотношению жизни и мышления философа. В случае Ницше это соотношение особое. Он действительно, в том числе, выкладывает свою жизнь в текстах в качестве материала. И вот Вы спрашиваете, что значит верить или не верить ему при этом на слово. Мне кажется, Вы верите ему на слово, когда он говорит об обретении здоровья. Просто идти на поводу у его самоинтерпретации – это неверно, если только мы не хотим действительно монументализировать и, так сказать, отлить в бронзе его образ. И тут я могу привести совершенно конкретный и достаточный, на мой взгляд, пример: в начале “Ессе homo” он говорит, что собирает жатву своей жизни: «Не напрасно я хоронил сегодня мой сорок четвертый год – то, что было в нем жизнью, спасено, стало бессмертным»⁴. То есть он сам монументализирует себя в своей последней книге и накануне безумия. То, что было в нем жизнью, уже сделано им бессмертным. Остальное неважно и может истлевать. Если мы верим этому на слово, то мы считаем, что у Ницше была некая жизненная программа на сорок пять лет, что он все сделал, все сказал и идеально закруглил свой жизненный путь. Мы можем любить такой его образ, но если мы еще и верим ему только потому, что это им написано, то мы просто оказываемся некими продуктами его мифотворчества, даже не пытающимися разобраться, миф это или нет, и насколько он истинный. Вот чтобы в этом разобраться, и нужна биография.

М.О. Бикбулатова. Ну во-первых, мне кажется, метафоры прочерков и туннелей немного сбивают с толку. Я думаю, толкование тем и ценно, что оно – не просто прояснение (хотя толкование довольно часто и претендует на эту роль), это пространство встречи, места, где в потенции может зародиться новая мысль, содержащая при этом предыдущую. Проблема не в этом. Я не спорю, что биография может прояснить очень многое относительно хода мыслей. Но здесь я опять хочу вспомнить о том, насколько важным для Ницше был вопрос меры. Мера для него – не способ оставаться в покое и

⁴ Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М., 2009. С. 191.

не влезать в неприятности. Как раз наоборот: удерживание меры, равновесия – самая важная и напряженная работа. Вспомните хотя бы канатоходца из Заратустры или его рассуждения о декадансе, когда он говорит, что упадок – естественное и необходимое состояние, весь вопрос в мере. Поэтому если бы можно было к чему-то призвать биографов, то я бы призвала их именно к этому: не к отказу от деятельности в пользу работы лишь с трудами, а к соблюдению равновесия. К тому, чтобы не кидаться лихорадочно за фактом, не выгрызать его остервенело из забвения только для того, чтобы приложить его как мерило к мысли.

И еще раз по поводу веры на слово: Ницше и правда развивает определенную мифологию своей жизни, и мне кажется, что это видно по стилю, в котором написан тот же “Ессе Номо”, и для того, чтобы понять, что это мифология, не обязательно сверять факты, можно просто вслушаться в интонацию, в которой есть что-то от гомеровского эпоса. Он создает миф как форму выражения мысли, и, в общем-то, неважно, имел ли место тот или иной факт в реальности. Он может даже откровенно сочинять небылицы и выдавать их за эпизоды своей биографии. То есть, поймите, вопрос, верить или не верить Ницше, даже не стоит, истинность фактов, на мой взгляд, здесь глубоко вторична. Конечно, можно не доверять его ходу мысли, но это совсем другое дело, потому что нам здесь нужно критически подходить непосредственно к ней.

И.А. Эбаноидзе. Давайте попробуем под конец беседы взглянуть на соотношение личности мыслителя и его мысли по-другому, а именно – не как на альянс или мезальянс, а как на единственно возможное единство. Если мы по-картезиански представляем себе, что мышление – автономная субстанция, тогда нам нет дела до личности, тогда мы «чихали» на все биографии. Если нас, как Дильтея, «исключительность человеческого существования привлекает больше, чем любое обобщение», то мы будем расставлять совсем иные акценты. Биография – это самое исконное историческое знание. Можно сказать, что история началась с биографий: с жизнеописания великих мужей античности. Это были простые и ясные повествования: сей муж совершил то-то и то-то, слова его были такими, роста он был такого-то, а вот совершенные им деяния. С тех пор изменилось очень многое, в том числе сам род деяний, которые делают личность героем биографии. Великие люди интровертировались, больше действуют на внутренней арене, чем на внешней, и тот, кто говорит о них, пытается проникнуть в их внутренний мир. Как он это делает, насколько тонко или насильственно, неловко – это все может служить поводом к огромному числу нареканий. Этими нареканиями или же, наоборот, конструированием модели, как надо, была занята в последние сто лет теория биографии⁵ (например, Дильтей, Моруа, Сартр как конструкторы, а, скажем, Кракауэр и Бурдые как критики). И даже если мы будем примерять к биографическому методу шкалу из работы Ницше, название которой мы перефразируем в нашей беседе, то все равно мы не найдем оптимального подхода, а будем только указывать на пользу или вред, скажем, монументального или критического или архивного метода. В конце концов, биографы – тоже личности, которых что-то привело к этому делу, к этому предмету исследования. И не в последнюю очередь их приводит к этому любовь и эмпатия. Самый известный немецкий биограф Ницше Курт-Пауль Янц был, например, музыкантом в оркестре и специально изучал философию для того, чтобы быть компетентным именно в качестве биографа философа. То есть интерес

⁵ См.: *Theorie der Biographie. Grundlagentexte und Kommentar*. В.; N. Y., 2011.

к личности может быть первичен, и ничто не может воспретить автору исследовать другую личность. Но на стадии исследования биографу, особенно работающему в поле истории философии, необходимо вырабатывать свой научный подход – какую именно биографию он пишет. И если он при этом совершает преступление против личности или мысли своего героя (а такое преступление иногда может иметь ценность, если автор делает самодостаточное высказывание), он должен сперва знать хотя бы, на какое преступление идет. Но еще прежде того, чтобы по возможности подстраховаться от преступления, он должен уяснить себе, досконально ли он знает то, что вообще может быть известно о его герое, и готов ли он иметь дело с этим материалом честно и нетенденциозно. Мне кажется, если бы биографы сперва ставили перед собой все эти задачи, то число биографий резко бы уменьшилось и это пошло бы данному жанру на пользу.

М.О. Бикбулатова. Я думаю, что в этом как раз и может помочь третий подход к истории, в нашем случае к биографии, – критический подход, который предполагает, что ценность биографии периодически ставится под вопрос. В том числе с помощью этого вопроса о ценности можно, с одной стороны, отсекал большое количество необязательных текстов, с другой – способствовать производству качественных текстов и задавать определенный вектор движения.

И.А. Эбаноидзе. Я бы еще хотел поговорить о той границе исследования, которая существует для философов, исследователей работ Ницше, но не для биографов. Я имею в виду, конечно, безумие Ницше. Эта та черта, перед которой останавливаются философские изыскания, потому что в продукции последней туринской недели большинство исследователей видит лишь симптом безумия. В то же время биограф это событие ничуть не останавливает, он идет дальше, и там, после наступления сумасшествия, было еще одиннадцать лет жизни, разные события и даже определенная апокрифическая литература: завещание Ницше и, например, сомнительные тексты, которые приписывались его перу, как, например, «Моя сестра и я».

М.О. Бикбулатова. Я думаю, что, во-первых, эта граница видится нам, если мы изучаем что-то линейно, и да, когда речь идет о биографии, движение в основном привязано к течению времени, хотя вовсе не необходимо. Но нам совсем не обязательно читать работы Ницше (да и кого угодно еще) таким образом, более того, его тексты располагают к, если можно так сказать, интеллектуальному пинг-понгу между работами разных лет; можно переходить от наиболее ранней мысли к наиболее поздней, причем очень продуктивно. В конце концов, мы можем строить исследование циклично, как бы создавая ритуальную, на разных уровнях возвращаясь к важным для нас точкам. Во-вторых, граница между тем, что считать событием мысли, а что нет, существует всегда, просто в случае с безумием она наиболее заметна. Например, Ж. Деррида в своих «Шпорах Ницше»⁶ приводит этот знаменитый пример, когда в записях Ницше вдруг появляется странное «Я забыл зонтик».

И еще, прежде чем мы перейдем к вопросам, я бы хотела высказать одну идею, которая принадлежит не мне, а другой молодой исследовательнице Ницше из Самары, Марии Торховой. Когда я готовилась к этой беседе, я читала биографии разных авторов и много возмущалась тому, что авторы преподносят Ницше то больным, слабым и одиноким, то каким-то односторонним бойким поборником чистоты и здоровья, то копаются в очень личном, подчас

⁶ Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 118–142; № 3. С. 114–129.

создавая какие-то гротескные образы. И когда я делилась с Марией своим негодованием, мы вспомнили пассаж, в котором Ницше говорит, что есть события такого нежного свойства, что недурно бы их припорошить грубостью и поколотить палкой свидетеля, лицезревшего это событие, чтобы затуманить память об увиденном. Мне очень нравится мысль Ницше о том, что довольно часто истина не может быть высказана совсем открыто, что ей нужна маска или покрывало, более того, что маска как бы нарастает сама собой, потому как воспринимать такую мысль в чистом виде невозможно. И когда я все это излагала, Мария удивилась, почему же в таком случае я так возмущаюсь плохим биографиям и людям, искажающим образ Ницше. Ведь, по сути, Ницше и есть такое событие нежного свойства, которому необходима гротескная маска, и поэтому, может, и хорошо, что есть столько диких, сбивающих с толку образов Ницше. Когда биографы создают их, они и производят эту маску, припорошивают грубостью то, что не может быть просто воспринято. Послушав ее, я подумала, что и правда все эти образы не так уж и вредны, а может, даже в конечном итоге и полезны.

Ю.В. Синеокая. Игорь, а биография Ницше, которую пишете сейчас Вы для ЖЗЛ, будет, вероятно, критической?

И.А. Эбаноидзе. Я думаю, что нам после эпохи критицизма не помешала бы новая монументальная биография, но такая, я бы сказал, постмонументальная: располагающая контекстом критицизма и сознающая, что он не преодолевается просто волевым решением автора.

Комментарий из зала. Конечно, нужна хорошая биография Ницше, ведь очень многие интересные факты опускаются. Например, редко где подробно освещается, что Ницше был также музыкантом и писал музыку, а также что он писал афористически потому, что болел и не мог долго сидеть за письменным столом. Все-таки нужна биография, которая помогает читать Ницше.

И.А. Эбаноидзе. Вы знаете, тот факт, что он так писал из-за болезни, кажется общим местом, чем-то доказанным и логичным. Однако я недавно обнаружил путем сугубо филологического анализа, что эта знаменитая фрагментарность уже потенциально присутствует в его ранних работах. Скажем, в «Несвоевременных размышлениях» есть пассажи, которые без потери внутренней связности целого можно оформлять как цепочки афоризмов. А затем в поздних работах он восстанавливает эссеистичный и целостный стиль. Скажем, «Антихрист», который чисто внешне кажется снова афористично-дробленным текстом, на самом деле являет собой очень целостное сквозное письмо, а его паузы, оформленные как номера параграфов или афоризмов, по сути просто интонационные. То есть Ницше нужно было пересобрать свое изначальное эссеистическое письмо, разбить его на фрагменты, чтобы переизобрести. В этом смысле болезнь явилась скорее катализатором, нежели первопричиной. Что же касается музыкального образования, то это в большей степени специфика Германии: и сейчас в культурной программе любого города мы можем найти концерты на дому, которые дают люди, не имеющие консерваторского или даже специального музыкального образования, и это существует абсолютно наравне с концертами профессионалов. Это просто очень укоренено в культуре.

Ю.В. Синеокая. Дело в том, что в Германии уроки музыки в средней школе совсем не такие, как у нас. По сути это программа музыкальной школы, которую каждый уважающий себя человек должен в какой-то мере освоить. Люди должны уметь читать ноты, это помогает мыслить, чувствовать меру, это совершенно традиционная вещь.

Вопрос из зала: Недавно на русском языке вышла книга Пессоа «Книга непокоя», биография без фактов. Так вот, можно ли написать биографию без фактов о Ницше?

И.А. Эбаноидзе. По крайней мере на уровне введения к биографии, мне кажется, у меня это получилось. Там есть большой пассаж о соотношении рисунка судьбы Ницше с вокальным циклом Шуберта «Зимний путь». Как Вы понимаете, фактов здесь нет никаких, а при этом содержания получилось очень много, и оно помогает выстроить его образ на каком-то самом интимном уровне. Но все-таки мне важны слова Дильтея, который пишет, что мы по-настоящему можем узнать, что такое человек, не из его самых сокровенных мыслей, а только из истории. То есть это фактическое сбывание в бытии раскрывает в нем какие-то последние вещи. Это очень хорошо раскрыто в экзистенциалистской литературе, у того же Сартра. Такие пограничные состояния достигаются не в голове, а в наличных фактах бытия. Так что я все-таки считаю, что фактическая сторона остается очень важной.

М.О. Бикбулатова. Вы знаете, готовясь к дискуссии, я выписала для себя важную цитату из «О пользе и вреде истории для жизни». В принципе, Ницше ответил на вопрос, который Вы сейчас задали: «Объективность и справедливость не имеют ничего общего между собой. Вполне мыслимо такое историческое описание, которое не заключало бы в себе ни единой йоты обыкновенной эмпирической истины и которое в то же время могло бы с полным основанием претендовать на эпитет объективного»⁷. Так что я считаю, что такая биография, конечно же, возможна.

Ю.В. Синеокая. Мария, а Вы можете назвать биографию, которая Вам действительно понравилась, если учитывать все то, о чем сегодня говорилось?

М.О. Бикбулатова. Я не могу сказать, что есть биография, которая меня целиком устроила, но мне очень нравится, как Аленка Зупанчич использует биографическое в предисловии к своей книге. Она обращает особое внимание на фигуру полдня из Заратустры, момента, когда происходит раздвоение, когда рождается тень. В конце своего рассуждения она пишет: «После того, как разразилась его болезнь, Ницше жил еще двенадцать лет. Он умер в августе 1900, на “переломе” века. Говорят, он умер в полдень»⁸. Я считаю, что это пример того, как стоит обращаться с фактами жизни философа: не очень с ними церемониться, используя их для того, чтобы подтвердить его мысль, продолжая его собственную стратегию.

Список литературы

Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше / Пер. с фр. А.В. Гараджи // *Философские науки*. 1991. № 2. С. 118–142; № 3. С. 114–129.

Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. / Общ. ред. И.А. Эбаноидзе, В.А. Подорога, Н.В. Мотрошилова, А.Г. Жаворонков. М.: Культурная революция, 2005–2014.

Сафрански Р. Ницше: биография его мысли / Пер. с нем. И.А. Эбаноидзе. М.: Дело, 2016. 456 с.

Kaufmann W. Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist. 4th ed. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1974. 532 p.

Theorie der Biographie. Grundlagentexte und Kommentar / Hrsg. von B. Fetz, W. Nemecker. B.; N. Y.: De Gruyter, 2011. 371 S.

⁷ *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1/2. М., 2014. С. 129.

⁸ *Zupancic A.* The shortest Shadow. Nietzsche's Philosophy of the Two. Camb. (Mass.), L., 2003. P. 28.

Zupancic A. *The shortest Shadow. Nietzsche's Philosophy of the Two*. Camb. (Mass.); L.: MIT Press, 2003. 193 p.

On the Use and Abuse of Biography for Nietzsche

Mariya Bikbulatova

Private scholar; e-mail: bikbulatovamaria@gmail.com

Julia Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: jvsineokaya@gmail.com

Igor Ebanoidze

Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. 25A Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation; e-mail: igebano@mail.ru

The discussion here reported centres on the problem whether familiarity with Nietzsche's biography can be beneficial for understanding his philosophical views, and how our idea of the philosopher as a person, derived from his biography, can affect our perception of his texts and vice versa, if such reciprocal influence is at all possible. On the other hand, it is important to know to what extent a given biography may hamper the interpretation of Nietzsche's writings and further thinking following along the path tread by this philosopher. Participants in the panel attempt to find out what kind of biography of the philosopher would favour the study of his work rather than interfere with it; to this purpose, they critically examine the various Nietzsche biographies and the motives of the respective authors, to see how well they accord with the Nietzschean world-view. This involves the question, what does it mean to be in accordance with such world-view and whether it is a necessary condition for a biographer or there may be other ways to compose an adequate biography. Another line of discussion consists in drawing comparisons between the portraits of Nietzsche created by the biographers, which can be widely different depending on the purposes their authors had in mind. Finally, an interesting question is, what other uses a Nietzsche biography may have and what makes a biography of particularly this philosopher, in whose work the twists and turns of his own life play such an important role, a really special enterprise.

Keywords: biography, Nietzsche's philosophy, decadence, 'health' and 'sickness', psychology of disclosure, *Entlarvungspsychologie*, personal myth

References

- Derrida, J. "Shpory: stili Nietzsche" [Spures: Nietzsche's Styles], trans. by A. Garadzha, *Filosofskie nauki*, 1991, No. 2, pp. 118–142 and No. 3, pp. 114–129. (In Russian)
- Fetz, B. und Hemecker, W. (Hrsg.) *Theorie der Biographie. Grundlagentexte und Kommentar*. Berlin; New York: De Gruyter, 2011. 371 S.
- Kaufmann, W. *Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist*, 4th ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1974. 532 pp.
- Nietzsche, F. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], 13 Vols., ed. by I. Ebanoidze, V. Podoroga, N. Motroshilova and A. Zhavoronkov Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2005–2014. (In Russian)
- Safranski, R. *Nietzsche: biografiya ego mysli* [Nietzsche: A Philosophical Biography], trans. by I. Ebanoidze. Moscow: Delo Publ., 2016. 456 pp. (In Russian)
- Zupancic, A. *The shortest Shadow. Nietzsche's Philosophy of the Two*. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 2003. 193 pp.